

©2000 г.

Л.А. ГОРДОН, Э.В. КЛОПОВ

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ И СТРУКТУРА БЕЗРАБОТИЦЫ В РОССИИ

ГОРДОН Леонид Абрамович - профессор, доктор исторических наук, заведующий отделом Института мировой экономики и международных отношений РАН. КЛОПОВ Эдуард Викторович - профессор, доктор исторических наук, главный научный сотрудник того же института.

Повышенное, даже обостренное общественное внимание к процессу формирования в России массовой безработицы обусловлено прежде всего самим фактом постоянного и существенного возрастания числа людей, которые потеряли и/или не могут найти регулярную оплачиваемую работу. В свою очередь, попыткам понять суть, динамику, перспективы нового (на самом деле нового, а не "хорошо забытого старого") и вызывающего тревогу социального явления способствовали, с одной стороны, преодоление принудительно навязывавшихся представлений о длительном отсутствии у нас безработицы как свидетельстве неоспоримого преимущества социализма, а с другой - регулярными (начиная с 1993 г.) публикациями основных статистических и социологических показателей роста и распространения безработицы.

Правда, первоначально преобладающей формой реакции на данный процесс стал поток так называемой алармистской публицистики, т.е. получивших распространение в начале 90-х годов пророчеств скорой потери работы для десятков миллионов людей и, соответственно, тотального обнищания большинства населения страны, его всеобщей маргинализации. Этим отличались публикации не только журналистов, но и многих ученых. Однако чем меньше оправдывались предсказания катастрофического обвала занятости, тем настоятельнее становилась потребность в осмыслении реального хода изменений российского общества, тем большее внимание стали уделять научному анализу безработицы.

По мере изучения стала накапливаться вполне достоверная информация о тенденциях роста слоя безработицы, изменениях в его структуре и составе, о роли в его пополнении различных слоев населения из разных регионов страны, о материальном положении, социальном самочувствии и поведении безработных¹. В основном речь шла о тенденциях самого этого явления, реже о соотношении и сопоставлении данных о синхронных с ним социально-экономических процессах. Между тем без синхронного подхода трудно оценить ключевые факторы безработицы. В частности, выявить причины более медленного роста безработицы в сравнении с быстро наступающим экономическим кризисом. Нами предпринята попытка более широкого подхода, в рамках которого безработица рассматривается в контексте общих социальных процессов, протекающих в переходном российском обществе (с 1991 г. по 1998 г.).

Меньший размах безработицы и большее снижение зарплаток в России (сравнительно с другими странами). Быстрое нарастание безработицы в России 90-х годов было одной из наиболее значимых примет переживаемого кризиса. С 1992 г. (когда это

Безработица в России 1992-1998 гг.*

Показатели	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Все безработные							
- млн. человек	3,6	4,2	5,5	6,4	7,3**	8,1**	8,9
— их доля в экономически активном населении (%)	4,7	5,5	7,4	8,8	10,0	11,3	12,4
Из них поставлены на учет в службе занятости							
- тыс. человек	572	835	1637	2327	2506	1999	1926
- их доля (%)	0,7	1,1	2,2	3,2	3,4	3,0	2,6

* К концу года.

** Данные за 1996 и 1997 гг. откорректированы (в сторону увеличения) Госкомстатом России по итогам обследования рабочей силы по проблемам занятости, проведенного в октябре 1997 г.³

явление в нашей стране впервые стало объектом статистического учета) до начала 1999 г. численность безработных выросла в 2,5 раза, т.е. с 3,6 млн. почти до 9 млн., а их доля в составе экономически активного населения - с 4,7 до 12,4% (см. табл. 1). Тем не менее темпы роста российской безработицы были значительно более медленными, чем это происходило бы под воздействием одних только экономических факторов. Они оказались меньшими чем даже во многих индустриально развитых и стабильных обществах, где в последние десятилетия, в особенности в ситуации экономических спадов, безработица охватывала 12-16% экономически активного населения. Да и сейчас во многих уверенно развивающихся западноевропейских странах она достигает 10% (не говоря уж о странах типа Испании и Ирландии, где работу ищут до 20% взрослых трудоспособных граждан)².

Ситуация с безработицей в России заметно отличается и от развития аналогичных процессов в ряде других бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ)⁴. Например, в Польше, Венгрии, Болгарии в период кульминации послесоциалистического кризиса работу полностью потеряли 15-20% занятых. Получается, что переходный кризис у нас был острее, спад производства глубже, чем в этих странах, а уровень безработицы в 1,5 раза ниже, чем в других странах. Впрочем, для каждой страны характерны свои особенности, которые наглядно проявляются при сопоставлении показателей падения объемов ВВП, снижения реальной заработной платы и удельного веса безработных (см. табл. 2). В них выражена не только реакция занятости на рыночные перемены, но и более широкая проблема - выбор обществом характера социальных издержек, связанных с переходом от государственной системы к рыночной. Результатом такого выбора в нашей стране стало своеобразное замещение на первом этапе реформ огромной безработицы (потенциально до 1/3 занятых) резким (в 1,5—2 раза) снижением оплаты труда.

Как известно, рост безработицы связан с необходимостью снижения издержек производства. Теоретически эту проблему предприятия могут решать либо сокращая часть работников, либо уменьшая оплату труда. В первом случае положение оставшихся работников ухудшается незначительно, поскольку снижение реальной зарплаты обычно носит умеренный характер. Но сразу же и быстро начинает расти безработица. Во втором случае почти все занятые страдают от сокращения реальной заработной платы, зато безработица приобретает вялотекущий характер. Она формируется сравнительно плавно и имеет меньшие масштабы.

В экономическом смысле предпочтительнее первый вариант — путь к рынку здесь прямее и короче. Но с социальной точки зрения подобный вариант может быть опаснее, особенно, если приходится сокращать очень большую долю неэффективного производства. Революционная ситуация и наступление фашизма в Германии, великая

Показатели максимальных уровней снижения общественного производства, роста безработицы и падения реальной заработной платы в России и странах ЦВЕ в 1990-е годы

Страны	Индекс объема ВВП (1989 г. = 100)	Доля безработных в экономически активном населении (%)	Индекс реальной заработной платы (1989 г. = 100)
<i>Страны с умеренной безработицей и очень большим снижением реальных заработков</i>			
Россия	57 (1998 г.)	11-12 (1998 г.)	43** (1998 г.)
Румыния	79 (1992 г.)	10-11 (1994 г.)	55 (1993 г.)
<i>Страны со значительной безработицей и умеренным понижением заработков</i>			
Польша	83 (1991 г.)	16-17 (1993 г.)	80 (1993 г.)
Венгрия	85 (1993 г.)	12-13 (1992 г.)	80 (1995 г.)
Словакия	78 (1993 г.)	15 (1993 г.)	67 (1991 г.)
<i>Страны с умеренным снижением заработков и небольшой безработицей</i>			
Чехия	80 (1993 г.)	6 (1991 г.)	72 (1991 г.)
<i>Страны с очень большим снижением заработков и значительной безработицей</i>			
Болгария	67 (1996 г.)	17 (1996 г.)	35 (1996 г.)

* Индекс объема ВВП и реальной заработной платы к 1990 г. (= 100).

** Без учета скрытых заработков⁵.

депрессия конца 20-х и начала 30-х годов в США ясно свидетельствуют об опасности чрезмерной безработицы в рыночной экономике. Для России, перестраивающей рыночную экономику в рыночную, угроза может оказаться еще страшнее. И неясно, что лучше - короткий путь к рынку, связанный с опасностью социального взрыва, или длительное и вялое движение, позволяющее смягчить трудности перехода. На Западе и в ряде стран ЦВЕ замещение массовой безработицы снижением заработков происходит редко, - в частности, из-за высоких притязаний работников, не согласных с таким снижением, а также из-за всеобщего неприятия уравниловки. В России же уравнилельные настроения, остатки патерналистских порядков, неподготовленность большинства наших управленцев к условиям рынка предопределили возможность сокращения оплаты труда при сохранении избыточной занятости. Сокращение лишних работников привело бы к гигантской безработице (доля ненужных рынку производств в России выше, чем где-либо еще), дополнительному давлению на социальную и политическую сферу. Выбор мягкого варианта реформ явился, видимо, результатом общественного договора, отражающего интересы разных социальных субъектов, а не только политическое решение правящих элит российского общества⁶.

Невысокий уровень безработицы в России 90-х годов (сравнительно с другими странами) - это оборотная сторона значительного сокращения оплаты труда. Снижение заработков в 1,5-2 раза точно соответствует снижению объемов производства и делает возможным сохранение избыточной рабочей силы в сочетании с полужанятостью. Так что если в 1997 г. численность безработных у нас превысила 8 млн. (более 11% активного населения), то в составе формально занятых оставалось, по оценкам Министерства экономики, еще 12-13 млн. излишних работников (20% работающих, или 17-18% всего экономически активного населения)⁷. Иными словами, глубокое падение реальной оплаты труда "заместило" в России примерно две трети потенциальной безработицы и, так сказать, "демпфировало" процесс расширения ее масштабов.

Сомнительно, что когда-либо удастся однозначно оценить итоговое социально-экономическое значение подобного "замещения". Как и во всей социальной ситуации

переходного времени, тут переплетаются негативные и позитивные моменты. Очевидно, что избыточная занятость мешает рациональному хозяйствованию, затрудняет адаптацию к рынку, разлагает трудовую мораль и препятствует формированию эффективного рыночного работника. Тем самым вялотекущая, "демпфированная" безработица создает дополнительные факторы, продлевающие кризис, способствующие росту массового неверия в реформы и демократию. Но одновременно эта же избыточная занятость в конкретно-исторических условиях России 90-х годов предотвращает непомерное разбухание безработицы, грозящее социальным и социально-психологическим перенапряжением, которое может сбросить страну с пути модернизации и демократизации.

По-видимому, реальное значение "замены" безработицы снижением зарплаты и сохранением излишней занятости зависит от того, в каких формах, какими средствами эта процедура осуществляется. В России середины 90-х годов эффективным механизмом такой "замены" оказалась практика организованного сокращения рабочего дня и рабочей недели, равно и как отпусков по инициативе администрации предприятий. Такую организованную полузанятость фактически поддерживает значительная часть работников, предпочитающих ее массовым увольнениям. Показательно, что сокращение рабочего времени и расширение практики административных отпусков никогда не становилось причиной трудовых конфликтов. Основная масса работников сознает или инстинктивно ощущает, что для них частичная занятость - меньшее зло.

Однако организованное сокращение рабочего времени и административные отпуска обеспечивали возможность замены массовых увольнений частичной занятостью далеко не для всех потенциальных безработных. Такие меры охватывали в 1996-1997 гг. число людей, эквивалентное 1,6-1,8 млн. полностью занятых условных годовых работников. Они, следовательно, позволяли не выгонять на улицу 10-15% избыточной рабочей силы. Что же касается большинства из 12-13 млн. излишних работников (т.е. потенциальных безработных), избежавших увольнений в середине 90-х годов, то их сохранение на предприятии оказалось возможным в силу действия иных механизмов. До 1995 г. основным из них было интенсивное инфляционное снижение реальных заработков. В 1996-1997 гг. главным средством снижения оплаты труда стали массовые задержки и невыплаты заработной платы, которые вызывали крайне негативные последствия и экономического, и социального характера. И хотя в значительной мере именно невыплаты в эти годы позволили сохранить избыточную занятость и избежать удвоения безработицы, они оказались причиной резкого обострения социальной ситуации в стране⁸.

Конечно, по мере утверждения рыночных отношений и рыночных приемов хозяйствования излишки рабочей силы все чаще будут оказываться абсолютно нетерпимыми. Приведение численности работающих в соответствие с потребностями экономики в целом и возможностями каждого предприятия станет категорическим императивом хозяйствования. И хотя отсюда никак не вытекает неизбежность катастрофического падения занятости, тем не менее представляется вполне вероятным, что при неудачной социальной политике возможно существенное расширение безработицы, например, возрастание ее до 15-20% и даже 25% экономически активного населения (уровень, характерный для кризисных ситуаций во многих западных странах и соответствующий нынешней избыточной занятости). В любом случае, даже если удастся избежать расширения безработицы, возможности проведения "щадящей" политики занятости и сохранения избытка рабочей силы резко ухудшатся.

Пока же рост безработицы продолжается (как и прежде в замедленном темпе), а в самом слое безработных происходят некоторые качественные изменения. Пожалуй, самым значимым из них следует признать тот факт, что для все большей части потерявших работу это состояние растягивается на долгое время: в 1993 г. не имели постоянной работы свыше года только 18,2% всех безработных, в 1994 г. - 23%, в 1995 г. - 29,6%, в 1996 г. - 32,5%, в 1997 г. - 38,1%, в 1998 г. - 40,9%. А в условиях кризиса помощь, которую должна оказывать безработным служба занятости в трудо-

устройстве, организации собственного дела, переобучении и переквалификации, существенно ограничена. Так, в 1996 г. службой было трудоустроено 1333 тыс. безработных (23% тех, кто был принят на учет), в 1997 г. - 1416 тыс. (27%), в 1998 г. - 1218 тыс. (26%). Кроме того, ежегодно около 200-230 тыс. безработных получали в это время помощь в обучении новым профессиям и переквалификации⁹. В результате усиливается тенденция к формированию застойной безработицы, сливающейся с социальным дном наших городов. Знаменательно, что в составе безработных в полтора раза выше, чем во всем экономически активном населении, доля разведенных и семейно неустроенных людей (в 1996 г. соответственно 12-13% и 8-9%)¹⁰. Эта тенденция имеет безусловно негативное социальное значение.

По мере расширения масштабов безработицы и увеличения в ее составе удельного веса долговременных безработных усиливается общественная озабоченность самим этим явлением. Так, на протяжении шести лет (с марта 1993 г.) среди респондентов ВЦИОМ постоянно увеличивалась доля тех, кто относит безработицу к числу наиболее острых проблем: в первой половине 1993 г. их было менее 1/3 опрошенных, репрезентативно представляющих взрослое население России, к концу года - более 2/5; в 1994-1995 гг. этот показатель приблизился к 1/2, а в середине 1998 г. - к 2/3 (правда, в начале 1999 г. он несколько снизился - до 3/5). Однако в то же самое время доля тех работающих респондентов, кто на вопрос, могут ли они "лично в ближайшее время потерять работу в связи с сокращением штатов, ликвидацией... рабочего места или предприятия", хотя и оставалась все эти годы высокой (от 1/3 до 1/2), все же тенденции к ее возрастанию не было. Точно так же и тех, кто уверены, что в этом случае смогут "найти другое место работы" по своей профессии, было, в общем, немного - не больше половины (иногда несколько больше), но и этот показатель оставался достаточно стабильным. (Примечательно, что опрос сентября 1998 г. не внес практически никаких перемен¹¹.)

Материальное положение, социальные и политические ориентации безработных. Сходство с ориентациями работающих. Замедление роста безработицы в результате ее "замещения" понижением реальных доходов определяет особенности положения самого слоя безработных - по сравнению с положением большей части занятого населения. Это можно видеть уже при сопоставлении уровня жизни тех и других. Бесспорным следствием безработицы является "дополнительное" (сверх того, что принесли инфляции и задержки с выплатой заработанных денег) снижение жизненного уровня значительной части населения. Миллионы людей лишились постоянного заработка, а пособия по безработице, во-первых, получают хотя и подавляющее большинство (почти 9/10) "зарегистрированных" безработных, но заведомо меньшинство всех потерявших и/или ищущих работу (в 1996 г. - треть всех безработных, в 1997 г. - четверть, в 1998 г. - пятая часть). Во-вторых, пособия существенно меньше заработной платы работающих (которая у большинства невелика): в 1996 г. среднее пособие составляло 20%, а в 1997 г. - 26% средней зарплаты¹². К тому же пособия по безработице выплачиваются столь же нерегулярно, что и заработки или пенсии. Знаменательно, что несвоевременные выплаты начисленных денег безработные относят к числу самых острых проблем так же часто, как и работающие: например, в январе 1998 г. их посчитали таковыми 64% первых и 67% вторых (хотя наиболее острой проблемой для безработных остается, конечно же, рост безработицы)¹³.

Вместе с тем, как показывают материалы различных исследований, доходы всех (а не только зарегистрированных) безработных если и уступают доходам большинства занятых, то не слишком значительно. Так, согласно данным ВЦИОМ в 1997-1998 гг., средние денежные доходы опрошенных безработных из всех источников, равно как и поступления в бюджеты семей охваченных опросом безработных, меньше чем в 1,5 раза уступали доходам всех занятых, еще меньше - в 1,2-1,3 раза - доходам работников государственного и полугосударственного секторов экономики; только у работников частного сектора они были существенно, более чем в 2 раза, выше (см. табл. 3). Что касается семейных доходов, то здесь, безусловно, свою роль играют

Доходы* и социальное самочувствие безработных в сопоставлении с работающими (по данным ВЦИОМ в 1997-1998 гг.)

Показатели	Все заня- тые (N = = 6066)	В том числе работающие в секторах			Безра- ботные (N=918)
		госу- дарств. (N= = 2940)	полуго- суд. (N = = 1570)	частном (N = = 1556)	
Средний заработок на основной и дополнительной работе	952	806	796	1388	640
Средний душевой доход семьи	590	534	435	852	403
Размер дохода, необходимого (по мнению респондентов), чтобы жить нормально	2013	1914	1696	2520	1857
Материальное положение семьи очень хорошее, хорошее, среднее (%)	46	44	41	53	39
Какое из высказываний больше соответствует ситуации (%) - "все не так плохо и можно жить" и "жить трудно, но можно терпеть"	50	48	47	58	47

* В денонмированных рублях.

Источники: Экономические и социальные перемены. 1997. № 6, с. 63-75; Мониторинг общественного мнения. 1998. № 1, с. 69-76; № 2, с. 68-74; № 3, с. 69-81; № 6, с. 55-63.

заработки и иные денежные вклады других членов семьи. Но ведь и денежные доходы самих безработных в среднем также не слишком уступают заработкам большинства работающих.

Конечно же, за усредненными данными о заработках и семейных доходах безработных скрывается реальная дифференциация этого слоя. В опросе, проведенном в ноябре 1998 г. ВЦИОМ, на вопрос: "От чего Вам лично, отдельным членам Вашей семьи и Вашей семье в целом пришлось отказаться в результате (августовского 1998 г.) кризиса?" большинство безработных ответили, что им пришлось урезать расходы на продукты питания (80%), на одежду и обувь (74%). В то же время среди них немало и тех, кого кризис заставил отказаться от покупки мебели, электротехники и других относительно дорогих товаров длительного пользования (37%) и даже от весьма крупных трат - на покупку автомашины (10%), жилья (6%) и от отдыха за рубежом, турпоездки (5%)¹⁴. Как видно, среди безработных в середине 1998 г. было немало людей среднего или даже выше среднего уровня достатка.

Правда, ужиматься пришлось многим. Так, в результате кризиса были вынуждены сокращать покупки продуктов питания 76-77% респондентов из основных групп работающих, одежды и обуви - 72-73%, приобретение товаров длительного пользования - 40—45%. Зато несостоявшихся покупателей автомашин среди работающих респондентов оказалось даже несколько меньше - 8-9%, хотя покупателей жилья - примерно столько же (6-8%). И только по доле вынужденных отказаться от дорогостоящих видов отдыха работающие опережают безработных в 1,5-3 раза (8-15%). Большое сходство благосостояния работающих и безработных можно объяснить только тем, что потерявшие работу люди пытаются (и многие безуспешно) компенсировать разного рода приработками как утрату заработка, так и низкий уровень пособий и иных видов социального вспомоществования. Например, в 1997-1998 гг. 30% опрошенных безработных признали, что у них были те или иные дополнительные приработки, а среди работающих о наличии дополнительных заработков говорили около 15% работающих респондентов¹⁵. Правда, у безработных реже встречаются регулярные приработки и чаще - случайные. Многие безработные подрабатывают без

официального оформления трудовых отношений, тратят на подработку почти в два раза больше времени, чем рабочие¹⁶.

Пребывание людей в этом состоянии хотя и отбрасывает их "на обочину жизни", но не превращает большинство из них в маргиналов. Не случайно многие из безработных в ходе опросов демонстрируют уровень потребностей и притязаний не ниже, чем у большинства занятых. Так, их представления о размерах дохода, необходимого, "чтобы жить нормально", в принципе вполне сопоставимы с аналогичными высказываниями работников, занятых в государственном и полугосударственном секторах, и лишь немногим ниже, чем у работников частного сектора. Иначе говоря, для большинства безработных характерна установка на более достойный уровень жизни, а не просто на выживание. Точно так же доля придерживающихся мнения, что прожиточный минимум - это уровень скромного, но приличного существования, среди безработных мало чем отличается от аналогичного показателя у всех занятых (71% и 65-83%). Доля тех, кто оценивает его как хорошее или среднее, среди безработных (39%) лишь немногим меньше, чем среди работающих (46%, в том числе 56% в частном секторе). Почти половина безработных полагали, что в современной ситуации "все не так плохо и можно жить" или, по крайней мере, что "жить трудно, но можно терпеть" - столько же их было и среди работающих (см. табл. 3).

Показатели протестной активности основных социально-профессиональных групп занятого населения также мало чем отличаются от таковых у безработных. Наконец, сходны политические симпатии безработных и всех занятых. Важно, отметить, что для безработных вовсе не характерны ориентации, какие можно ждать от маргинальной группы. Поэтому безработных вовсе не следует безоговорочно записывать в политический резерв левых сил. В этом слое, как и во всем обществе, происходили и происходят сложные процессы дифференциации и идентификации политических ориентаций.

О сходстве социального положения безработных и занятых свидетельствуют данные о самоидентификации тех и других с социальными слоями разного уровня, из которых состоит трансформируемое российское общество. Так, согласно опросу, проведенному ВЦИОМ в ноябре 1998 г., к низшему слою отнесли себя 11% опрошенных безработных и 6% занятых, к рабочим (соответственно) 32 и 39%, к нижней части среднего слоя - 17 и 17%, к его средней части - 21 и 27%, к высшей части среднего слоя и к высшему слою (вместе) — 3 и 2,5% (из вариантов ответа исключен самый низший слой - социальное дно, которое такими опросами "не прощупывается")¹⁷.

После августа-сентября 1998 г., в условиях резкого ухудшения социально-экономической ситуации, все показатели социального самочувствия безработных, естественно, приобрели заметно более негативный характер, но, в общем (и это особенно важно отметить), пропорционально тому, что происходило у занятых во всех секторах экономики. Знаменательно также, что ухудшение ситуации породило в этой группе панические настроения не в большей мере, чем у большинства работающих. Правда, потенциал поддержки реформ в этой группе безработных снизился в большей мере, чем среди занятых.

Безработные как составная часть экономически активного населения и как особый слой. Разнородность состава и противоречивость интересов. Итак, безработные (разумеется, при неизбежном разбросе конкретных фактов) оценивают свое материальное положение, ситуацию в экономике и обществе в целом примерно так же, как большинство занятых, а настроения тех и других не слишком различны. Более того, как вытекает из сведений о денежных доходах безработных, очень многие из них - вопреки своему "официальному" или же ими самими заявленному статусу - не являются таковыми в строгом значении. Все это, по-видимому, можно интерпретировать в том смысле, что фактически безработные не образуют особого относительно гомогенного слоя, который находится в устойчивом маргинальном положении. Скорее, они составляют промежуточную, текучую категорию экономически активного

населения страны, характерной чертой которой является отсутствие постоянного рабочего места или доходного занятия. Это, безусловно, резервная армия труда, часть которой на постоянной или временной основе, в легальных или нелегальных формах участвует в общественном производстве.

Неудивительно, что безработные реагируют на актуальные проблемы так же, как и их товарищи по труду. Причиной служит то, что безработица в нашей стране возникла совсем недавно, а стаж пребывания в подобном состоянии у многих потерявших работу все еще не слишком велик. Правда, время поиска новой работы, составлявшее в 1992 г. в среднем 4,4 месяцев, возросло к 1998 г. до 9,1 месяцев и продолжает увеличиваться¹⁸. Но все же многие люди, потерявшие работу или не обретшие ее, находят новое рабочее место в достаточно короткие сроки. А отсюда - интенсивная обновляемость данного слоя. По расчетам Р. Капелюшкова, ежемесячно до 20% безработных замещается новыми. По его мнению, отмеченное обстоятельство не позволяет приписывать российской безработице "особо застойный характер". В таком случае в ее развитии нет никакой "вялости". При столь высокой интенсивности обмена "кадрами" между незанятой и занятой частями населения сохраняется большая близость тех и других, что и проявляется в высоком уровне совпадения оценок социально-экономической ситуации и вообще социального самочувствия.

Можно считать, что экономически активное население России состоит не из двух отличных друг от друга слоев (занятые и безработные), но по крайней мере из трех (постоянно занятые - полужанятые-полубезработные - безработные). Различия между первой и второй и между второй и третьей группами не слишком значительны, что обуславливает относительно медленный переход от одного социально-психологического состояния к другому. Близости массового сознания безработных и занятых способствует также сходство социально-демографического и культурно-квалификационного состава обеих категорий. В 1996 г. численность мужчин и женщин соотносилась как 53:47 среди занятых и как 55:45 среди безработных. Примерно одинаковыми были и доли основных социально-профессиональных групп: специалистов среди первых было 20%, рабочих - 50%, а среди вторых - 19 и 65% (по последнему месту работы). Более значимыми были различия по возрасту и образованию. Среди безработных тех, кому не исполнилось 30 лет, было почти 39%, тогда как среди занятых - 29% (соответственно доли пожилых, старше 50 лет, составляли 11 и 19%). В свою очередь, безработные с высшим образованием составляли 11% этого слоя, а в составе занятых доля таких людей достигала 19%¹⁹. У этих различий есть свои основания (например, большая доля молодежи среди безработных обусловлена, с одной стороны, разнообразными трудностями начала трудовой жизни, а с другой - тем, что из старших возрастных групп занятого населения происходит интенсивный отток работников не только в ряды безработных, но и на пенсию, в домашнее и подсобное хозяйство и т.д.). Но они не настолько велики, чтобы продуцировать существенные расхождения социокультурных установок и, соответственно, поведенческих стандартов.

Однако, чем чаще трудоспособное население будет на длительные сроки выбывать из общественного производства, тем больше в слое безработных будут складываться типичные только для них особенности положения и, соответственно, групповые интересы. Так, вряд ли может остаться без последствий тот факт, что у безработных заметно больше родственников, друзей, знакомых, также потерявших работу, чем у занятых. Но это означает, что безработные значительно чаще, чем работающие, общаются с людьми, "попавшими в положение потерявших и/или не имеющих постоянного доходного занятия".

Внутри себя слой безработных достаточно разнороден. В его составе есть люди, которые оказались без работы и не находят ее по объективным (экономическим) обстоятельствам, и те, кто не могут выбраться из ситуации в силу особенностей интеллекта, характера или здоровья, и, наконец, те, кто становятся безработными по собственному выбору, решая таким способом какие-то свои, так сказать, переходные

задачи²⁰. С другой стороны, среди безработных имеются как сумевшие (или надеющиеся) приспособиться к сложившейся ситуации (есть даже извлекающие из нее пользу, например, успешно прирабатывая дополнительно к пособию), так и те, кто по разным причинам надеется только на помощь государства. Подобная разнородность проявляется, в частности, в соотношении показателей фактической и "официальной" безработицы. На протяжении нескольких лет быстрый рост численности безработных сопровождался систематическим повышением доли тех, кто регистрировался в органах службы занятости: в 1992 г. - 16%, в 1993 г. - 20%, в 1994 г. - 30%, в 1995 г. - 36%. Правда, затем этот показатель стал снижаться - сначала незначительно - до 34% в 1996 г., а затем быстрее - до 24% в 1997 г. и 22% в 1998 г. Следовательно, далеко не все из потерявших или не имеющих работы людей обращаются в службу занятости. Не случайно среди таких "уклонистов" мужчин больше, чем женщин, молодежи - чем людей средних и пожилых возрастов, жителей сельской местности - чем горожан²¹. Многие из них рассчитывают на собственные силы, а не на помощь государства.

Среди безработных много тех, чей жизненный уровень снизился очень сильно - до нижней черты бедности, кто отчаялся обрести былой социальный статус и потому крайне негативно оценивает как происходящие в стране перемены, так и перспективы ее развития. Они отброшены в положение маргиналов и ощущают себя маргиналами. Хотя и в этом слое много тех, кто успешно противостоит процессу маргинализации и более или менее успешно решает свои материальные проблемы. Они слабее подвержены настроениям отчаяния и пессимизма. Именно их "голоса" выводят усредненные показатели социально-психологического состояния безработных на уровень, соответствующий тому, который характерен для большинства занятых.

Из всего сказанного следуют по крайней мере два вывода. Первый вывод состоит в том, что у нас появилась массовая безработица, которая хотя и не достигла пиковых значений, но служит причиной ухудшения материального положения народного большинства, даже его маргинализации. Согласно второму выводу, расширение сферы безработицы в России оказалось весьма сложным и противоречивым процессом с неоднозначными последствиями. С одной стороны, она, как и везде в обществах с рыночной экономикой, стала своеобразной "резервацией", куда попадают те, кто в силу объективных причин (работники производств и предприятий, плохо адаптирующихся к рынку, жители депрессивных регионов и т.д.) или по субъективным обстоятельствам оказались лишними в трансформирующемся хозяйстве. Часть, по мере возрастания потребности в рабочей силе, возвращается в производство, другие окончательно выбывают из него. С другой стороны, безработица играет роль специфической школы приспособления к новым условиям, в особенности для молодежи, отчасти для среднего поколения. Роль "резервации" берет на себя само производство, с его избыточной занятостью. Наоборот, многие из тех, кто проходит подобную школу именно в составе безработных, в особенности тех, кого безработица заставляет активизироваться, овладеть навыками трудовой деятельности рыночного типа, нередко остаются невостребованными производством, реструктуризация которого задерживается. В результате безработные и занятые живут, так сказать, в едином социально-экономическом и социально-психологическом пространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

В работе использованы результаты исследований, выполненных в рамках проекта "Социальное развитие российского общества", финансируемого РГНФ (№ 98-03-04146) "Социальная ситуация и социально-экономические права человека", финансируемого Фондом Д. и К. Макартуров.

¹ См.: *Бабушкина Т.А.* Безработица: молодежный аспект // *Трудовые отношения и коллективные действия в современной России: политические, правовые и социальные аспекты.* М., 1999; *Бушмарин И.В.* Аномалии российского рынка труда // *Мировая экономика и международные отношения.* 1998. № 2; *Гимпельсон В.* Уволенные работники на рынке труда: поиск новой работы и механизмы социальной адаптации // *Социально-трудовые исследования.* Вып. IV. М.: ИМЭМО РАН, 1996; *Гордиенко А.А., Пошевнев Г.С., Плюснин Ю.М.* Структура поведения безработного // *СОЦИС.* 1996. № 11; *Груздева*

- Е.Б. Женская безработица в России. М., 1995; Дановский С.Л. Социальная типология безработных // Человек и труд. 1993. № 5-6; он же. Социологическая и психологическая характеристика безработных // СОЦИС. 1994. № 5; Дунаева Н. Молодежь на рынке труда // Вопросы экономики. 1998, № 1; Капелюшников Р.И. Движение рабочей силы и рабочих мест в российской промышленности // Вопросы экономики. 1998. № 2; Карташов С.А., Дановский С.Л. Социальная динамика безработицы в Москве // СОЦИС. 1998. № 12; Клементьева А.Я. Социальная напряженность и конфликтность безработных // Социальный конфликт, 1996, № 2; Осадчая Г.И. Семья безработных и семейная политика // СОЦИС. 1997. № 1; Полякова Н. Незанятая молодежь: социально-экономический портрет и поведение // Человек и труд. 1999. № 4; Попов А. Регистрируемая безработица в 1992-1997 годах: женщины на фоне мужчин // Вопросы статистики. 1998. №11; Феофанов К.А. Ценностно-нормативный аспект безработицы в России // СОЦИС. 1995. № 5; Чернила Н.В. Социальные проблемы безработных (Новосибирская область) // СОЦИС. 1996. №11; Четвернина Т. Положение безработных и государственная политика на рынке труда // Вопросы экономики. 1997. № 2; Чукреев П.А. Незанятые: настроения, ожидания, намерения. Улан-Удэ, 1996. Разные аспекты положения безработных рассматриваются также в связи с анализом проблем новой стратификации российского общества (например, в коллективной монографии "Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению". М., 1998 г. и в книге Н.Е. Тихоновой "Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике". М., 1999). Результаты наиболее интересных исследований зарубежных ученых по проблемам российской безработицы опубликованы в: Structural adjustment without mass unemployment? Lesson from Russia / Ed. by Simon Clarke. - Suffolk, 1998.*
- 2 См. РОССИЯ и страны мира. 1992. М., 1994, с. 32-33; Россия и страны мира. 1996. М., 1996, с. 30-32, 40-45.
 - 3 Основные итоги деятельности органов Государственной службы занятости в январе-декабре 1998 года. Статбюллетень № 12. М., 1999, с. 3; Российский стат. ежегодник. 1998. М., 1998, с. 173; Россия в цифрах 1996 года. М., 1996, с. 33; Вопросы статистики. 1998. № 2, с. 66; № 9, с. 85; 1999, № 5. с. 96.
 - 4 Это убедительно показано в докладе *Р.И. Капелюшников* "Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации" / Некоторые аспекты теории переходной экономики. М. ИМЭМО РАН, 1999, с. 85-162.
 - 5 От кризиса к росту (Опыт стран с переходной экономикой) Под ред. М.А. Дерябиной. М., 1998, с. 76-90; Economics of Transition. London, 1997, Vol. 5, p. 530-552.
 - 6 Впрочем, известный исследователь проблем формирования в России рынка труда (ныне покойный) *И. Заславский* склонялся к выводу, что такой ход событий был не стихийным, а целенаправленным, что "снижение зарплаты фактически было использовано для поддержания занятости и предотвращения роста безработицы" и тем самым - для реставрации "заимствованной из советской истории "парадигмы" обеспечения занятости в ущерб эффективности" и, соответственно, для коррозии механизмов, регулирующих движение наемного труда {*Заславский И.* Горькие лекарства, чтобы выздороветь // Человек и труд. 1996. № 12).
 - 7 Основные показатели деятельности органов Государственной службы занятости в январе-декабре 1997 г. Статбюллетень. М., 1998, с. 5.
 - 8 Вместе с тем, даже в 1997-1998 гг., когда такое обострение вплотную подошло к опасному рубежу социального взрыва (вспомним "рельсовую войну" весны-лета 1998 г.), многие работники были согласны на такой способ предотвращения массовых увольнений и катастрофического роста безработицы. Так, в ноябре 1997 г. и сентябре 1998 г. (т.е. незадолго до и вскоре после этих событий) работающих респондентов спросили: "Если Ваше предприятие окажется в сложной ситуации, то что бы Вы предпочли?". Почти 53% в первом случае и 49% во втором выбрали ответ - "чтобы... рабочее место было сохранено, даже если зарплата будет выплачиваться несвоевременно или неполностью" - и только 15 и 18% предпочли "увольнение с последующей постановкой на учет в службе трудоустройства и выплатой пособия по безработице" (Мониторинг общественного мнения. 1998. № 2, с. 75-76; № 6, с. 68).
 - 9 Статистический бюллетень / Госкомстата РФ / М., май 1999, с. 71; Основные показатели деятельности органов Государственной службы занятости в январе-декабре 1997, с. 9.
 - 10 Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сборник. М., 1997, с. 38,49.
 - 11 Экономические и социальные перемены. 1993. № 7, с. 65; 1994. № 4, с. 70; № 6, с. 8.2; 1995. № 1, с. 79; № 3, с. 82; 1997. № 2, с. 88; № 5, с. 47; № 6, с. 86; Мониторинг общественного мнения. 1998. № 3, с. 90-91; № 5, с. 57; № 6, с. 68; 1999. № 2, с. 56.
 - 12 Основные показатели деятельности органов Государственной службы занятости в январе-декабре 1997 г., с. 8; Вопросы статистики. 1999. № 2, с. 88.
 - 13 Мониторинг общественного мнения. 1998. № 3, с. 90, 91.
 - 14 Там же, 1999. № 1, с. 71.
 - 15 Там же, 1997. № 6, с. 69; 1998. № 6, с. 58
 - 16 *Перова И., Хахулина Л.* Оценка доходов от незарегистрированной дополнительной занятости // Там же, 1998. № 3.
 - 17 Мониторинг общественного мнения. 1999. № 1, с. 69, 73. Конечно, могут быть предложены (и пред-

лагаются) и другие модели социальной стратификации современного российского общества. Причем, как хорошо показано Н.Е. Тихоновой, самоидентификация опрашиваемых дает разные (хотя и соотносимые) распределения при обращении к разным моделям (см. *Тихонова Н.Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике, с. 62-66). Однако и предложенный специалистами ВЦИОМ вариант позволяет выявить тенденции процесса стратификации и пропорции соотношения респондентами самих себя с разными слоями общества.

- 18 Статистический бюллетень/ Госкомстата РФ/. М., 1999. № 3, с. 71.
- 19 Социальное положение и уровень жизни населения России. 1997. Другие опросы дают несколько иные соотношения. Так, среди 2273 безработных, охваченных опросами ВЦИОМ с марта 1993 по март 1994 г., относительное преобладание молодежи в составе безработных было еще более впечатляющим (38% против 24% среди занятых), а преобладание людей с высшим образованием среди занятых было, наоборот, меньшим-21 и 18% соответственно (см: Экономические и социальные перемены. 1994. № 6, с. 87-89).
- 20 Большой знаток этих проблем И. Заславский писал и о "субъективной безработице, связанной с проблемой выбора новой альтернативы", и о "маргинальной безработице, когда десятки тысяч бомжей и других обитателей "дна" общества появились на официальном рынке труда" (К характеристике труда в современной России (очерк социально-трудовой политики) // Вопросы экономики. 1997. № 2. с. 78).
- 21 См.: Социальное положение и уровень жизни населения России. 1997, с. 38,47-52; Россия в цифрах. 1998, с. 47-48; Вопросы статистики, 1999. № 2, с. 88. Весьма существенные различия по поло-возрастному составу и образованию между безработными, зарегистрированными в службе занятости, и всей их массой рассмотрены в статье *Куддо А.* Политика занятости в России в контексте международного экономического опыта // Государственная и корпоративная политика занятости. М. 1998, с. 46-50.